

Н. И. Ильминский

**О применении русского
алфавита к инородческим
языкам**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. И. Ильминский**
О применении русского алфавита к инородческим языкам / Н. И. Ильминский –
М.: Книга по Требованию, 2018. – 47 с.

ISBN 978-5-458-14401-8

Из переписки по вопросу о применении русского алфавита к инородческим
языкам. Казань, типография Университета, 1883 год.

ISBN 978-5-458-14401-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

**ТУРКЕСТАНСКІЙ
ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРЪ**

ПО УПРАВЛЕНІЮ
УЧЕБНЫМИ ЗАВЕДЕНІЯМИ.

№ 58.

1 Марта 1876 г.

П. ПЕТЕРБУРГЪ.

Его Сіятельству

Графу Д. А. Толстому,

Г. МИНИСТРУ НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

*Милостивый Государь,
Графъ Дмитрій Андреевичъ!*

Предполагая съ возвращеніемъ въ край поручить Управленію учебными заведеніями Туркестанскаго края заняться подготовительными работами для ипородческаго образованія и прежде всего составленіемъ транскрибированныхъ учебниковъ первоначальнаго обученія, имѣю честь покорнѣйше просить указанія Вашего Сіятельства относительно характера писемъ, кои должны имѣть приложеніе къ транскрипціи.

Сколько мнѣ извѣстно, между нашими специалистами, занимающимися ипородческимъ образованіемъ, не состоялось до сихъ поръ общаго соглашенія, какимъ алфавитомъ транскрибировать учебники. Мнѣнія расходятся: одни при составленіи учебниковъ вводятъ въ русскую азбуку, принимаемую для транскрипціи,

новыя буквы съ діакритическими знаками; другіе, транскрибуя, принимаютъ алфавитъ не одной русской азбуки, а вводятъ буквы изъ греческаго и латинскаго алфавита, и наконецъ третьи принимаютъ одну только русскую азбуку въ той формѣ, какъ она преподается у насъ въ школахъ, безъ всякихъ нововведеній.

Признавая то важное значеніе, какое имѣетъ печатная книга среди народа, между областями одного государства, среди инородцевъ одноплеменныхъ, я въ виду того неудобства, которое естественно должно выйти изъ того, если бы книги для начальнаго обученія, напр. для киргизъ Оренбургскаго края, печатались одной системой транскрипціи, для киргизъ Туркестанскаго края другой, для башкиръ третьей и т. д., нахожу болѣе цѣлесообразнымъ въ этомъ дѣлѣ имѣть одну утвержденную систему транскрипціи. При существующемъ разногласіи между учеными ориенталистами по этому вопросу, никакія комиссіи не приведутъ ихъ къ соглашенію, почему было бы желательнѣе, чтобы Ваше Сіятельство, принявъ на себя ходатайство, испросили Высочайшее повелѣніе относительно принятія той или другой системы транскрипціи и тѣмъ прекратили бы дальнѣйшее пререканіе между составителями учебниковъ для инородцевъ относительно алфавита.

Мое личное мнѣніе въ данномъ случаѣ, основанное на серьезномъ обсужденіи этого важнаго вопроса и имѣя въ виду главную цѣль, которую должна имѣть транскрипціи, именно облегчить начало къ изученію государственнаго языка нашего и тѣмъ дать средство къ объединенію различныхъ народностей, заключается въ необходимости, чтобы всѣ учебные округа, въ которыхъ есть инородцы, приняли для транскрипціи русскую азбуку въ томъ видѣ, какою она изучается въ нашихъ школахъ, безъ всякихъ измѣненій и допол-

невій діакритическими и другими знаками.—Кромѣ главной цѣли, о которой я упомянулъ выше, не могу не выразить мнѣнія моего, что надобности въ добавочныхъ буквахъ и разныхъ діакритическихъ знакахъ никакой не встрѣчается, ибо русская азбука вполне достаточна для выраженія фонетики всѣхъ извѣстныхъ намъ восточныхъ нарѣчій.—Способъ произношенія различными племенами, говорящими даже однимъ и тѣмъ же языкомъ, весьма различенъ: такъ, „казакъ“ или, какъ мы обыкновенно называемъ, „киргизъ“, большой, средней, малой орды, и кара-киргизы говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, но произношеніе ихъ весьма различно. Этому нюанса никакіе знаки не уловятъ, и ихъ пришлось бы имѣть многое множество и притомъ для каждаго нарѣчія особые знаки.—Тотъ, кто свой способъ произношенія усвоилъ себѣ съ молокомъ матери, тотъ будетъ читать по своему, какіе бы знаки ему ни ставить надъ буквами или подъ буквами, а русскій, знающій свою родную азбуку, съумѣетъ, прислушався къ произношенію того племени, гдѣ ему придется быть учителемъ, произносить *a, e, u, o* такъ, какъ ихъ произноситъ народъ, а знаки этому не научатъ,—словомъ увлекаясь тонкостями, по пословицѣ „le mieux est l'ennemi du bien,“ дѣло транскрипціи лишь запутывается, не принося существенной пользы.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною
предавностію имѣю честь быть

Вашего Сіятельства

покорнѣйшимъ слугою

К. фонъ Кауфманъ.

Ваше Превосходительство,

Мануилъ Елорвичъ! ()*

По письму Вашего Превосходительства отъ 3 Марта, я прочелъ мнѣніе Туркестанскаго Генераль - Губернатора и считаю пріятнымъ долгомъ заявить, что не только исполнѣ раздѣляю его основанія, но и глубоко сочувствую главной его мысли.

Вопросъ объ удачнѣйшей передачѣ татарскаго и киргизскаго языковъ русскими буквами служилъ, въ теченіе послѣдняго года, предметомъ частыхъ и, могу сознаться, заботливыхъ объясненій, какъ личныхъ съ знающими эти языки жителями Оренбурга, такъ и письменныхъ,—съ знатоками вообще Востока, гг. Григорьевымъ и Ильминскимъ. Результатъ подобныхъ объясненій сопровождался убѣжденіемъ, что самое лучшее, вѣрнѣйшее и простѣйшее средство заключается въ примѣненіи къ татарскому и киргизскому языкамъ русской азбуки безъ всякаго ея измѣненія или дополненія. Что эта мысль стала въ послѣднее время осуществляться и на практикѣ, дажс въ Казани, по крайней мѣрѣ въ трудахъ, печатаемыхъ подъ руководствомъ г. Ильминскаго, доказывается издавными, вторымъ еще болѣе третьимъ изданіемъ, книжками для первоначальнаго чтенія въ школахъ инородцевъ—черемись, чувашей и др.—Почти то же обнаружилось и въ пособіяхъ по киргизскому языку въ Туркестанской области у г. Терентьева, а также и въ печатныхъ руководствахъ по татарскому языку для Крым-

(¹) Это письмо, отъ 4 Марта 1876 года, на имя Г. Директора Департамента Народнаго Просвѣщенія М. Е. Фонъ-Браке, писано Г. Попечителемъ Оренбургскаго учебнаго округа П. А. Лавровскимъ, бывшимъ тогда въ Петербургѣ.

скихъ татаръ. Удобство примѣненія неизмѣненной русской азбуки къ татарскимъ нарѣчіямъ съ положительностію высказывалось мнѣ и В. В. Григорьевымъ, даже пѣсколько дней сему назадъ.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ опытовъ и убѣжденій свѣдущихъ людей, я не стѣснился выразить согласіе и Инспектору татарскихъ, башкирскихъ и киргизскихъ школъ Оренбургскаго учебнаго округа, г. Катаринскому, на приготовленіе имъ небольшихъ книжекъ покиргизски чистыми русскими буквами, для начальнаго чтенія въ школахъ киргизскихъ.

Замѣчаю Генераль-Губернатора Кауфмана 1-го на счетъ необходимости единства въ транскрипціи на русской алфавитѣ всѣхъ татарскихъ нарѣчій на всемъ пространствѣ размѣщенія ихъ въ русскомъ государствѣ, по моему убѣжденію, имѣетъ глубокой смыслъ — и политическій, въ силу объединенія народовъ однимъ правительственнымъ алфавитомъ, а чрезъ него и языкомъ государственнымъ, и практической, въ виду удобства перехода, при изученіи русскаго языка, отъ туземныхъ книгъ съ русскимъ алфавитомъ къ книгамъ чисто русскимъ.

Нѣтъ, смѣю думать, надобности доказывать, насколько неизбѣженъ подрывъ довѣрія въ инородцахъ къ силамъ русской цивилизаціи, если бы продолжалось рѣзкое различіе въ мѣрахъ образованія одного и того же инородческаго народа, живущаго неразрывною цѣпью въ трехъ смежныхъ учебныхъ округахъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

Вашего Превосходительства

покорнѣйшимъ слугою

П. Лавровскій.

Представленное Господину Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа, мнѣніе Директора Казанской Учительской Семинаріи Н. Ильминскаго, отъ 3 мая 1876 г. за № 120.

Изъ документовъ, сообщенныхъ мнѣ Вашимъ Превосходительствомъ при предложеніи отъ 13 Апрѣля за № 1441, видно, что Г. Туркестанскій Генераль-Губернаторъ, *во первыхъ*, желаетъ, чтобы было исходатайствовано Высочайшее повелѣніе относительно принятія той или другой системы транскрипціи въ книгахъ, составляемыхъ на инородческихъ языкахъ для первоначальнаго обученія ипородцевъ, такъ, чтобы эта система была обязательна для всѣхъ учебныхъ округовъ, въ которыхъ есть инородцы; *во вторыхъ*, находятъ съ своей стороны нужнымъ принять для сказанной транскрипціи русскую азбуку безъ всякихъ дополненій и измѣненій, какъ потому, что русская азбука вполне достаточна для выраженія фонетики всѣхъ извѣстныхъ намъ восточныхъ нарѣчій, такъ и въ виду главной цѣли, которую должна имѣть транскрипція, именно—облегчить начало къ изученію государственнаго языка нашего и тѣмъ дать средство къ объединенію различныхъ народностей.

Г. Попечитель Оренбургскаго учебнаго округа вполне раздѣляетъ мысль и основанія Его Высокопревосходительства, и въ доказательство своего убѣжденія ссылается между прочимъ на меня и на издаваемые подъ моимъ руководствомъ книжки для первоначальнаго чтенія въ школахъ ипородцевъ—черемисъ, чувашей и другихъ..... Почти то же обнаружилось (присовокупляетъ Петръ Алексѣевичъ Лавровскій) и въ пособіяхъ по киргизскому языку въ Туркестанской области у г. Терептѣва а также въ печатныхъ руководствахъ по татарскому языку для Крымскихъ татаръ.

Возбуждаемый вопросъ о транскрипціи, относящійся собственно къ языкамъ татарскому, киргизскому и башкирскому, или къ языкамъ татарскаго семейства, по видимому, распространяется па всѣ инородческіе, даже фипскіе языки, находящіеся въ трехъ сосѣдственныхъ между собой учебныхъ округахъ.

Съ самаго начала считаю нужнымъ сдѣлать слѣдующую оговорку. Принимая близкое участіе въ дѣлѣ инородческаго образованія и особенно въ переводѣ и разсмотрѣніи книгъ для инородцевъ въ продолженіи четырнадцати лѣтъ, а восточными языками занимаюсь около тридцати лѣтъ, я естественно воспиталъ въ себѣ практическое направленіе, и потому мои соображенія въ настоящемъ вопросѣ обуславливаются и ограничиваются опытными данными и не могутъ имѣть той широты и абсолютности, какія свойственны чисто теоретическимъ разсужденіямъ.

Обращаюсь къ своему опыту.

Первая книжка на татарскомъ языкѣ, русскими буквами, переведена и напечатана мною въ 1862 году. Это букварь съ статьями христіанскаго вѣроучительнаго и молитвеннаго содержанія, для крещенныхъ татаръ. Должно замѣтить, что еще въ 1847 году, по случаю отпаденія крещеныхъ татаръ въ магометанство, обуславливаемыхъ и официально объявляемыхъ преимущественно незнаніемъ ими Православной Вѣры и непониманіемъ церковнаго Богослуженія, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о переводѣ на татарскій языкъ главнѣйшихъ богослужебныхъ книгъ. Вслѣдствіе этого и были переведены: Литургія Св. Іоанна Златоустаго, Часословъ и Евангеліе. Эти переводы сдѣланы были на языкъ книжный магометанскій и напечатаны арабскими

буквами. Въ переводной комиссіи состоялъ и я, какъ лицо впрочемъ второстепенное, и я вполнѣ раздѣлялъ магометанско-научный взглядъ на языкъ и алфавитъ татарскій, и сказанныя переводы мнѣ представлялись основательными и удовлетворительными. По окончаніи уже этой работы привелось мнѣ въ 1856 году на мѣстѣ освѣдомляться о пригодности ея для крещеныхъ татаръ, и я увидѣлъ, что наши переводы, особенно Литургія и Часословъ, для тѣхъ почти совершенно непонятны и потому бесполезны. Послѣ того, непосредственное знакомство съ крещеными татарами, киргизами и частію туркменами охладило мою прежнюю ревность къ книжному татарскому языку и воспитало во мнѣ рѣшительное уваженіе къ живой народной рѣчи, какъ единственному вѣрному памятнику даннаго языка. Народный языкъ я сталъ считать особенно важнымъ и необходимымъ въ дѣлѣ миссіонерскомъ и учебномъ. Арабско-татарскій алфавитъ я разлюбилъ, особенно тогда, когда во время своей трехлѣтней Оренбургской службы увидѣлъ его несоотвѣтствіе киргизской фонетикѣ и вообще неспособность къ выраженію звуковыхъ особенностей разныхъ Тюркскихъ нарѣчій. Въ букварѣ 1862 г., составленномъ подъ вліяніемъ уже этого взгляда, я старался употребить народный татарскій языкъ, какимъ говорятъ старо-крещенные татары Мамадышскаго уѣзда, Казанской губерніи, среди и при помощи которыхъ я переводилъ букварь. Главная моя забота была о народности языка; алфавитъ же имѣлъ второстепенное значеніе. Я припаялъ русскій алфавитъ потому, что крещенные татары вообще не знакомы съ арабскою грамогую, а нѣкоторые, обучавшіеся въ русскихъ школахъ, довольно хорошо умѣли читать по русски. Русскій алфавитъ и русскую систему письма я принялъ цѣликомъ; я писалъ такъ, какъ мое ухо слышало татарскіе звуки; по

долголѣтняя привычка къ арабско-татарской вѣшней орѳографіи препятствовала мнѣ вслушиваться въ точное произношеніе татарскихъ словъ. На первыхъ порахъ я находилъ нужными только два знака: н (сліяніе *н* и *г* для обозначенія носоваго *н*) и ѣ; послѣднее для одного только слова ѣй—домъ, въ отличіе его отъ слова уй—мысль. Въ 1863 году положено въ Казани небольшое начало для ученія крещено-татарскихъ дѣтей, а въ 1864 году формально открыта Казанская крещено-татарская школа, отъ которой чрезъ два послѣ того года начали отдѣляться отрасли—школы въ крещено-татарскихъ селеніяхъ разныхъ уѣздовъ и губерній, пользующіяся руководствомъ и направленіемъ Казанской школы и имѣющія для начальнаго обученія дѣтей тѣ же книги на татарскомъ языкѣ. Болѣе тѣсное сближеніе съ крещеными татарами служило къ исправленію языка переводовъ и обнаружило неудовлетворительность моей орѳографіи, и каждое новое изданіе имѣло нѣкоторыя разности, такъ что орѳографія въ главныхъ и существенныхъ чертахъ окончательно усталилась въ 1866 году въ изданіи Евангелія отъ Маттея. Къ числу важныхъ особенностей татарской фонетики относится то, что кромѣ звука *у*, ясно и опредѣленно произносимаго какъ въ русскомъ языкѣ, татары имѣютъ другой звукъ, который для моего слуха былъ неуловимъ, составляя что-то среднее между *у* и *о*, но для природнаго слуха татаръ конечно онъ былъ совершенно ясенъ: его мы стали писать буквою *о*. Точно такъ же при ясномъ и опредѣлительномъ *и* есть неопредѣленный бѣглый звукъ, средній между *и* и *е*, который мы стали писать буквою *е*. Замѣчу кстати, что въ киргизскомъ языкѣ существуетъ обратное явленіе: опредѣлительное и ясное произношеніе имѣютъ *о* и *е*, а *у* и *и* произносятся бѣгло. Такимъ образомъ по татарски: *кулъ* — рука, *колъ* —

рабъ, *бирь*—дай, *берь*—одня; а въ киргизскомъ—совершенно наоборотъ: *колъ*—рука, *кулъ*—рабъ, *берь*—дай, *бирь*—одивъ. Въ этомъ отношеніи съ киргизскимъ языкомъ сходны языки: Алтайскій и Турецкій. Далѣе въ языкахъ татарской группы существуетъ законъ созвучія, по которому въ данномъ словѣ со всѣми его приставками и окончаніями должны быть или все твердыя гласныя, или все мягкія. Поэтому гласныя буквы въ татарскомъ языкѣ идутъ слѣдующими парами: *а, ä* (я); *у, ü* (ю); *о, ö*; *ы, е* (э), (*и* не имѣетъ у татаръ соответственной пары). При своемъ консерватизмѣ, я въ окончательно установившейся орфографіи употреблялъ русскія мягкія *я* и *ю* гдѣ можно, т. е. послѣ согласныхъ, а въ началѣ словъ долженъ былъ писать *ä* и *ü*; точно такъ же вмѣсто *е* я писалъ въ началѣ словъ *э*. Такимъ образомъ въ нашъ крещено-татарскій алфавитъ вошли буквы съ различительнымъ двоеточіемъ *ä, ö, ü*. Отсюда видно, что буквамъ *о, ö* и *е* я далъ условное значеніе неопредѣленныхъ и бѣглыхъ татарскихъ звуковъ, не обозначивъ этого никакими знаками, потому собственно, что у татаръ нѣтъ звуковъ ясныхъ, соответствующихъ русскому произношенію этихъ буквъ. На томъ же основаніи я употребляю букву *ж* въ значеніи *дж* (= итальянск. *j*), которое находится обыкновенно въ началѣ словъ на мѣстѣ турецкой согласной *й*: такъ какъ чистаго русскаго звука *ж* у татаръ вовсе нѣтъ, то условно принятая мною въ сказанномъ значеніи, эта буква не представляетъ въ татарскомъ письмѣ никакой сбивчивости. Въ другихъ ипородческихъ языкахъ можетъ быть другое распредѣленіе гласныхъ и согласныхъ звуковъ по отношенію къ русскимъ звукамъ, которое сдѣлаетъ необходимымъ принять какіе нибудь отличительныя значки на русскихъ буквахъ, во избѣжаніе сбивчивости. Такъ наприм. у чувашъ весьма характеристичны и въ языкѣ существенны